
РАЗДЕЛ 6.
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343

В. М. Хомич

**СПЕЦИАЛЬНАЯ КОНФИСКАЦИЯ – УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ МЕРА
БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Рассматривается правовая природа специальной конфискации имущества как публично-правовой реакции на совершение запрещенных под угрозой публичной ответственности общественно опасных деяний – преступлений и административных правонарушений. Обосновывается вывод, что специальная конфискация в системе уголовного законодательства сейчас, как и до исключения из числа видов наказания так называемой общей конфискации, является мерой безопасности уголовно-правового характера. В таком уголовно-правовом формате специальная конфискация имущества, полученного преступным путем, доходов от него, орудий, средств и предметов преступления рассматривается по существу всеми государствами в качестве необходимого и эффективного средства противостояния преступности. Институционализация в УК Республики Беларусь института специальной конфискации столкнулась с очевидным непониманием необходимости развития правовых стандартов применения данного института. Социальное и уголовно-правовое назначение специальной конфискации – устранить экономическую основу современной преступности, приобретающей все более организованный, технологически-корыстный и коррупционный характер при одновременном недопущении превращения ее в своеобразное орудие экспроприации собственности.

Ключевые слова: общая конфискация или наказание, специальная конфискация, объекты специальной конфискации, имущество, добытое преступным путем, орудия и средства совершения преступления, процессуальный порядок применения специальной конфискации.

Республика Беларусь долгое время была, пожалуй, единственной страной на постсоветском пространстве, где так называемая общая конфискация имущества сохранялась как вид уголовного наказания в классическом для советского уголовного права виде, вплоть до принятия Закона от 09.01.2019 № 171-З, которым она была исключена из системы видов наказания. Вместо общей конфискации в УК вводится специальная конфискация с четко обозначенным предметно-уголовно-правовым содержанием и назначением в рамках функционирования системы уголовной юстиции. Специальная конфискация (конфискация имущества, добытого преступным путем, орудий и средств совершения преступления и т. д.) хорошо и давно известна уголовному законодательству большинства стран мира, равно как советскому и постсоветскому законодательству государств, образовавшихся после распада СССР. Правда, в постсоветских государствах при сохранении общей конфискации специальная конфискация существовала и применялась в избирательном и далеко не всегда в правовом формате, что, однако, не вызывало особых упреков, поскольку все фискальные издержки ее применения закрывались потенциалом общей конфискации. Естественно, что исключение общей конфискации потребовало правовой четкости

в определении места и назначения специальной конфискации в системе уголовного законодательства, равно как и процессуально судебных (правосудных) форм ее применения. Странно, что указанные правовые истины пока не находят однозначного понимания у практиков и некоторых представителей уголовно-правовой науки, которые продолжают дискутировать относительно якобы неясной правовой природы специальной конфискации [1, с. 415–418; 2, с. 181–190]. Очевидно же, что специальная конфискация никогда, как в бытность ее существования наряду с общей конфискацией (ст. 61 УК), так после принятия Закона от 09.01.2019 № 171-З не являлась и не признавалась наукой и практикой наказанием. Поэтому странным выглядит заключение некоторых специалистов, что только после принятия указанного Закона специальная конфискация перестала быть наказанием и что в УК необходимо переходить на новый уровень понимания и построения уголовно-правовых средств [3, с. 207]. Возможно, такая необходимость и существует, например, в систематике мер уголовно-правового характера (воздействия), которая, например, заложена в УК РФ, но не в нашем УК.

Как известно, специальная конфискация вместо общей конфискации (общая конфискация исключена Федеральным законом от 08.12.2003 № 162) была введена в УК РФ в 2006 г. Федеральным законом от 27.07.2006 № 153 и помещена в раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера» наряду с принудительными мерами медицинского характера, которые известны давно и мерами уголовной ответственности не являются (в УК Беларуси они называются принудительными мерами безопасности и лечения). Под специальную конфискацию была создана новая специальная глава УК РФ (гл. 15.1) и переименован раздел шестой Общей части на «Иные меры уголовно-правового характера». Таким образом, конфискация была обозначена как иная мера уголовно-правового характера. Основная трудность для систематики конфискации в УК РФ заключалась в том, что ни самого понятия *иных мер уголовно-правового характера*, ни признаков, отличающих эти меры от всех иных, содержащихся в УК мер, не относящихся к числу наказаний, законодатель не определял. В статье 2 УК РФ было сказано, что для решения задач, стоящих перед уголовным законодательством, Кодекс устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера. Тем самым законодатель включал уголовное наказание в меры уголовно-правового характера. Не разрешался в УК РФ и вопрос о соотношении иных мер уголовно-правового характера с мерами уголовной ответственности, поскольку понятие таковой ответственности в УК РФ отсутствует. В соответствии с Федеральным законом от 03.07.2016 № 323 в этот раздел включен и судебный штраф. В общем в указанный раздел УК РФ помещены меры уголовно-правового воздействия *различного содержательного и функционального характера*, но не являющиеся *наказанием*. Так, если принудительные меры медицинского характера направлены *на обеспечение как общей безопасности, так и безопасности самих лиц*, совершивших в состоянии невменяемости общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, либо заболевших психическим заболеванием после совершения преступления и поэтому не способных в таком состоянии нести уголовную ответственность, то специальная конфискация направлена на нейтрализацию (поражение) имущественного статуса лица, совершившего преступление, посредством лишения его имущества, полученного или задействованного в процессе преступления. Вне сомнения, все это есть меры уголовно-правового воздействия и направлены они

соответственно на нейтрализацию личностных или материально-инструментальных факторов развития преступной деятельности, но не на ресоциализацию уголовного правонарушителя, что является неперенным функционально-содержательным свойством мер уголовной ответственности. Указанные меры уголовно-правового воздействия (принудительные меры безопасности и лечения, специальная конфискация) в своей исходной и функциональной основе являются *криминологическими*, применяются соответственно по факту совершения преступления (предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния), то есть реализуются в правовом поле уголовного закона, являются мерами обеспечения уголовно-правовой безопасности, напрямую связаны с фактом совершения преступного деяния.

В этой связи обратим внимание, что предметно система правового регулирования мер уголовно-правового характера в ст. 1 УК Республики Беларусь определяется принципиально по иному: «Уголовный кодекс Республики Беларусь определяет, какие общественно опасные деяния являются преступлениями, закрепляет основания и условия уголовной ответственности, **устанавливает наказания и иные меры уголовной ответственности, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления, а также принудительные меры безопасности и лечения в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния**». Это существенно упрощает систематизацию отнесения специальной конфискации, как и принудительных мер безопасности и лечения, к числу *иных мер уголовно-правового воздействия*, не относящихся по своим основаниям, содержанию и функциям к наказанию и иным мерам уголовной ответственности. Что тут неясного.

Итак, позиция о том, что специальная конфискация имущества является не наказанием, а мерой уголовно-правового характера (воздействия), применяемой к лицу в целях устранения условий, способствующих совершению новых преступлений как данным лицом, так и другими лицами, сегодня является общепринятой и в российской науке уголовного права [4, с. 121]. Конечно, нельзя сказать, что после упразднения конфискации в качестве вида наказания в УК РФ, как и у нас, сложилась оптимальная правовая модель объектов специальной конфискации, оснований и порядка ее применения. По мнению П. А. Скобликова, даже после принятия 14 июня 2018 г. Пленумом Верховного Суда РФ постановления № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» сохраняются серьезные правоприменительные проблемы относительно адекватного правового регулирования данной меры уголовно-правового характера [5, с. 122–132]. Причина этому в том, что правовые системы постсоветских государств формировались и продолжают формироваться на социалистической платформе приоритета государственной собственности, а следовательно, уязвимости частной собственности в системе ее правовой защиты. Отсюда долгое сохранение в УК конфискации как вида уголовного наказания, а после исключения данного наказания – предметная и процедурная растерянность и невнятность относительно объектов специальной конфискации и относительно правовой позиции о судебном порядке ее применения в рамках уголовного судопроизводства, наконец бесплодные попытки разобраться в правовой природе специальной конфискации, поместить норму, сформулированную в ст. 46 УК, в «другое место?» [6, с. 799–804]. Все это не способствует и не имеет никакого отношения к общей гуманистической тенденции – необходимости интеграции правовых начал в уголовное право и уголовную политику.

Итак, в чем состоит содержательное и функциональное назначение специальной конфискации, введенной в УК Законом от 09.01.2019 № 171-3 в системе уголовного законодательства.

Введение специальной конфискации в качестве **особого**, наряду с уголовной ответственностью, уголовно-правового инструментария противодействия преступности было давно ожидаемым событием. Фактически нормативная модель специальной конфискации была скопирована из ч. 2 ст. 61 УК, частью первой статьи которой предусматривалось наказание в виде конфискации имущества. Конечно, здесь надо было бы подумать более тщательно о перечне объектов специальной конфискации. Но времени на обдумывание не было, важно было закрепить на законодательном уровне эту инициативу законодателя. И это исключительно правовое решение, поскольку сейчас, как мне кажется, наблюдается определенное сожаление относительно его принятия. Что же касается пересмотра и переосмысления всего комплекса правовых позиций, которые напрямую связаны с введением специальной конфискации и принятием адекватных правовых решений, то здесь не было ясности и определенности на момент разработки и принятия Закона от 09.01.2019 № 171-3, которым из УК была исключена ст. 61 (Конфискация) и одновременно введена специальная конфискация (ч. 2 ст. 46 и ст. 46-1). Сейчас важно то, что указанными законодательными решениями подтверждена материальная (уголовно-правовая) природа специальной конфискации, как и имущества, относимого к объектам специальной конфискации (имущество, добытое преступным путем и доходы, полученные от использования такого имущества; имущество (вещи) как орудия и средства совершения преступления и т. д.).

В УК специальная конфискация и ее правовая природа определена однозначно и это соответствует общим международным правовым стандартам. По своей правовой природе специальная конфискация представляет собой уголовно-правовую меру безопасности вещественно-имущественного характера, то есть меру, направленную на изъятие соответственно предметов, вещей, иного имущества, полученных (извлеченных) от преступной деятельности (от совершения преступления) или умышленно вовлеченных в процесс совершения преступления в целях недопущения их накопления, легализации, сохранения и превращения в материальную основу развития и содействия преступной деятельности. Специальная конфискация преследует восстановительную и обеспечительную функции в общей системе поддержания безопасности общества от воспроизводства и консервации угроз криминального характера (преступности). Таким образом, она не является ни наказанием, никакой-либо иной мерой уголовной ответственности, но является мерой безопасности и лечения, систему *иных уголовно-правовых мер воздействия на преступление (преступность)* наряду с уголовной ответственностью и мерами, ее выражающими [7, с. 114–119].

По этой причине на специальную конфискацию (на объекты, подлежащие специальной конфискации) не распространяется *институт давности ее исполнения*, имеются *особенности в применении положений об обратной силе уголовного закона в случае декриминализации деяний*, при совершении которых были выявлены объекты, подлежащие специальной конфискации. Так, вопрос об обратной силе уголовного закона в отношении применения специальной конфискации в связи с *декриминализацией деяния* может возникать только в отношении предметов вещественно-имущественного характера, выступавших

в качестве **орудий и средств** совершения преступления. При этом независимо от декриминализации (устранения преступности деяния), *имущество, полученное посредством его совершения*, а равно *доходы, полученные от использования этого имущества*, подлежат конфискации. Такое имущество ни при каких условиях, в том числе при декриминализации соответствующего преступного деяния не может и не должно признаваться законно приобретенным и поэтому обращается в доход государства. Что касается иных объектов конфискации, указанных в ч. 1 ст. 46-1 УК, то в отношении их применяются общие правила об обратной силе уголовного закона (за исключением вещей, изъятых из оборота).

Сложным для правоприменительной и судебной практики остается вопрос о соотношении объектов специальной конфискации и ущерба, причиненного преступлением потерпевшему (физическому или юридическому лицу, государственной казне), который всегда возмещается по правилам гражданского судопроизводства и по общим основаниям возмещения причиненного вреда, что соответствует гражданско-правовой ответственности (восстановительной и компенсационной по сути). Введение специальной конфискации в качестве самостоятельной уголовно-правовой меры воздействия по случаю совершения преступления поставило вопрос об однозначном *разграничении и сертификации* в процессе доказывания при совершении преступлений наличия *объектов*, подлежащих конфискации в строгом соответствии с их перечнем данным в ч. 1 ст. 46-1 УК. Ясно только то, что объекты специальной конфискации – это предметы вещественно-имущественного свойства, исходящие от преступления, но разные по характеру происхождения – в них разные основания доказывания и правосудной (оценки). К сожалению, долгие годы в правоприменительной деятельности всему этому не придавалось особого значения.

Так, имущество, *добытое преступным путем*, как объект специальной конфискации следует однозначно и определенно идентифицировать по отношению к имущественному ущербу, причиненному преступлением потерпевшим, например, когда виновное в определенном преступлении лицо обогащается за счет похищения чужого имущества или причиняет ущерб потерпевшему путем обмана или злоупотребления доверием с целью сбережения своего имущества. Похищенное имущество может вообще оцениваться в трех правовых позициях: как имущество, добытое преступным путем; как предмет преступления (хищения); как ущерб, причиненный потерпевшему (владельцу или собственнику этого имущества). Обратим внимание, что за *счет имущества, подлежащего специальной конфискации*, при отсутствии достаточных средств у обвиняемого (осужденного), возмещается ущерб, причиненный преступлением потерпевшему, осуществляется компенсация причиненного потерпевшему физического и морального вреда. Есть опасения в трактовке такого объекта специальной конфискации как *предмет преступления*, который позаимствован из доктрины уголовного права об объекте преступного посягательства. По нашему мнению, такой упоминаемый в ст. 46-1 УК объект специальной конфискации как *предмет преступления* «перекрывается» либо имуществом, добытым преступным путем, либо (чаще всего) как «средства» совершения преступления. В последнем случае имеются в виду случаи, когда имущество, иные материальные ресурсы технологически задействованы в механизме осуществления преступного деяния, предусмотренного уголовным законом, то есть их фактическое употребление является способом объективного выражения преступного посягательства

(например, материальные ресурсы, вовлекаемые виновным в осуществление незаконной предпринимательской деятельности) [8, с. 14–16].

В статье 104.1 УК РФ соответствующий объект конфискации обозначается в привязке к *орудию преступления* и соответственно указывается, что конфискации подлежат *«орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому»*. От средств совершения преступления в таком понимании при совершении некоторых преступлений (в частности, незаконной предпринимательской деятельности) следует отделять *преступную прибыль*, которая должна оцениваться как *имущество, добытое преступным путем*. Обусловлено это очень важным правовым положением, которое закреплено в ч. 2 ст. 46-1 УК. Оно состоит в том, что если конфискация имущества, приобретенного преступным путем, а также дохода, полученного от использования этого имущества, на момент принятия решения о конфискации невозможна вследствие утраты, израсходования, уничтожения, реализации либо по иным причинам (*в частности, если это имущество соответствует перечню, данному в Приложении к УПК*), с осужденного в доход государства взыскивается денежная сумма, соответствующая стоимости имущества, приобретенного преступным путем, и (или) размеру дохода, полученного от использования этого имущества. В отношении *иных объектов* специальной конфискации это допустимо, если имущество как объект специальной конфискации (например, автомобиль, признанный орудием совершения преступления) реализован добросовестному приобретателю.

Часть 2 ст. 46 УК идентифицируя *иную уголовно-правовой природы специальной конфискации* по отношению мер уголовной ответственности предусматривает, что при совершении преступления она применяется как *наряду с уголовной ответственностью*, а также *при освобождении лица от уголовной ответственности* по основаниям, предусмотренным УК. Из буквального смысла данной нормы также следует, что *специальная конфискация* является уголовно-правовым последствием совершенного преступления, представляет собой принудительную меру уголовно-правового характера (воздействия), поскольку обусловлена совершением преступления, *обязательно должна быть связана с доказанным обвинением и (или) осуждением лица* (поэтому и предусмотрена УК, а не УПК), а порядок ее применения процессуально и процедурно должен соответственно и адекватно регламентироваться УПК и УИК, то есть в рамках уголовного судопроизводства.

С введением в УК института специальной конфискации следовало внести соответствующие изменения в ст. 98 УПК, в которой с советских времен (УПК 1960 г.) закреплена рассогласованность и коллизионность материально-правовых и процессуально-правовых позиций о предметах специальной конфискации, а ее применение предусматривается по процедуре процессуального упрощения вопреки правовой законности на основе сугубо процессуального объявления предметов специальной конфискации в качестве вещественных доказательств. Между тем, имущество как предмет специальной конфискации, несмотря на то, что оно связано с преступлением, является элементом права собственности, неприкосновенность которой гарантируется ст. 44 Конституции в том смысле, что любое отчуждение собственности допускается только по Закону и согласно решению суда. Но требуемые изменения в ст. 98 УПК не были внесены Законом от 09.01.2019 № 171-З.

Статья 98 УПК предметно и функционально противоречива и неопределенна. Так, в части 1 сказано, что «в приговоре, определении или постановлении о

прекращении производства по уголовному делу должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах». То есть, как будто бы вопрос о специальной конфискации всех предметов, перечисленных в ч. 1 ст. 46-1 УК, должен приниматься судом. Однако, в пункте 4 ч. 1 ст. 98 УПК сказано, что «деньги и иные ценности, приобретенные преступным путем, по приговору суда или постановлению органа уголовного преследования обращаются на возмещение вреда от преступления потерпевшему, иному лицу **либо по приговору суда подлежат конфискации**». Оказывается, по решению суда (приговору) подлежит специальной конфискации только такой ее объект (имущество или его стоимость) как **«имущество, добытое преступным путем и доходы, полученные от использования такого имущества»**. Что касается иных объектов специальной конфискации, перечисленных в ч. 1 ст. 46 УК (орудия и средства преступления, предметы преступления и т. д.), то вопрос о конфискации указанных предметов может разрешаться прокурором, следователем с согласия прокурора, принявших решение о прекращении производства по уголовному делу. Криминогенность и коррупционность таких положений уголовно-процессуального закона очевидна. Ведь сегодня в качестве орудия и средства совершения преступления выступает весьма ценное имущество и большой стоимости. Здесь возникают непростые вопросы в плане обеспечения правовых позиций по защите и обеспечению неприкосновенности права собственности.

Верховный Суд РФ, как уже упоминалось, посвятил разъяснению этих вопросов отдельное постановление № 17 от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», п. 13 которого разъясняется, что «решение о конфискации признанных вещественными доказательствами орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому, а также указанных в пунктах «а» – «в» части 1 статьи 104.1 УК РФ денег, ценностей и иного имущества может быть принято как при постановлении обвинительного приговора, так и в случае прекращения судом уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям ...» [5, с. 129].

И вот эту криминогенность норм уголовно-процессуального закона, сохраняющуюся в ст. 98 УПК, предлагается закрепить путем внесения соответствующих дополнений в ст. 30 и 33 УПК, согласно которым суд принимает решение о специальной конфискации только в отношении такого объекта специальной конфискации, как имущество, добытое преступным путем и доходы, полученные от использования такого имущества – по приговору суда или постановлению (определению) суда, когда решение о прекращении производства по уголовному делу по известным основаниям принято судом или прокурором, следователем с согласия прокурора. Об этом прямо и определенно сказано в части 3 и 4 статьи 2 проекта Закона. В отношении иных объектов специальной конфискации, в том числе признанных вещественными доказательствами, в случае прекращения производства по уголовному делу по нереабилитирующим основаниям на досудебной стадии уголовного судопроизводства (прокурором, следователем с согласия прокурора), решение об их конфискации будет приниматься указанными должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, что недопустимо как с конституционных, так и общих правовых позиций.

Возможность отнесения к вещественным доказательствам объектов специальной конфискации, перечисленных в ч. 1 ст. 46-1 УК, – всего лишь процессуальный контекст введения их в систему доказывания по уголовному делу, который исчерпывается разрешением уголовного по существу (вынесением приговора или прекращением производства, например, освобождением обвиняемого в преступлении от уголовной ответственности). Вещественными доказательствами могут быть признаны и иные предметы, не относящиеся к объектам специальной конфискации, которые в той или иной мере могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств дела.

Для устранения указанного несоответствия ст. 98 УПК уголовно-правовой природе специальной конфискации необходимо было уже давно: изменить название этой статьи («Вещественные доказательства» – по примеру ст. 81 УПК РФ); в части 1 этой статьи определить объекты материального мира (имущество, предметы и т. д.), которые могут признаваться вещественными доказательствами (при этом перечень следует начинать с орудий и средств преступления, то есть в обратном порядке тому, который использован в ч. 1 ст. 46-1 УК); в части 2 этой статьи указать на возможные варианты определения судьбы имущества (предметов), признанных вещественными доказательствами. Особым положением здесь должна быть запись: «Имущество, предметы, признанные вещественными доказательствами, которые согласно части 1 статьи 46-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь являются объектами специальной конфискации, обращаются в доход государства только на основании судебного решения (приговора, постановления), в том числе в случаях прекращения производства по уголовному делу по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования». Сегодня это общепринятые правовые позиции процессуально-правового характера относительно применения специальной конфискации.

Продолжавшуюся до Закона от 09.01.2019 № 171-З и особенно после решения Конституционного Суда от 06.06.2017 № Р-1086/2017 «О правовом регулировании специальной конфискации» [9], как и ныне практику судов, обращающих в бюджет по уголовным делам, предметы (объекты) специальной конфискации со ссылкой на нормы УПК или ГК, нельзя признать правомерной, и соответствующей уголовному закону как во время действия ч. 6 ст. 61 УК, так и ныне (ст. 46-1 УК).

Не наблюдается пока желаний синхронизировать правовые позиции уголовного закона о специальной конфискации с конфискацией в административно-деликтном законодательстве, о чем свидетельствуют соответствующие положения принятого в первом чтении проекта нового Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь.

Список литературы

1. Шидловский, А. В. О понятии и системе мер уголовно-правового воздействия / А. В. Шидловский // Законодательство и правоприменение в контексте приоритетов социально-экономического развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 сент. 2019 г. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2019. – С. 415–419.

2. Шаблинская, Д. В. Систематизация иных мер уголовно-правового воздействия: опыт законодательного установления и перспективы развития / Д. В. Шаблинская // 20 лет Уголовному кодексу Республики Беларусь: проблемы применения и направления совершенствования : сб. науч. ст. / Национальный центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: И. И. Лапцевич [и др.]. – Минск : ИВЦ Минфина, 2019. – С. 181–190.
3. Шевцов, Ю. Л. Уголовно-правовое воздействие и его система / Ю. Л. Шевцов // 20 лет Уголовному кодексу Республики Беларусь: проблемы применения и направления совершенствования : сб. науч. ст. / Национальный центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: И. И. Лапцевич [и др.]. – Минск : ИВЦ Минфина, 2019. – С. 199–210.
4. Понятовская, Т. Г. Иные меры уголовно-правового характера / Т. Г. Понятовская. – М., 2012. – 186 с.
5. Скобликов, П. А. Постановление Пленума Верховного Суда РФ по вопросам конфискации имущества: критический анализ / П. А. Скобликов // Закон. – 2018. – № 9. – С. 122–132.
6. Курс уголовного права : в 5 т. Общая часть. Т. 2 : Учение о наказании и иных мерах уголовной ответственности / Г. А. Василевич [и др.] ; под науч. ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск : Изд. центр БГУ, 2019. – С. 80.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – С. 114–119.
8. Хомич, В. М. Специальная конфискация, или Что изменилось и должно измениться в системе деятельности уголовной юстиции / В. М. Хомич // Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика : сб. ст. / Академия упр. при Президенте Респ. Беларусь ; редкол.: Т. А. Савчук (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2020. – С. 14–16.
9. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 31.01.2017. – 6/1593.

SPECIAL CONFISCATION – CRIMINAL SECURITY MEASURE IN THE CRIMINAL JUSTICE SYSTEM: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The article examines the legal nature of the special confiscation of property as a public-legal reaction to the commission of socially dangerous acts prohibited under the threat of public responsibility – crimes and administrative offenses. The conclusion is substantiated that special confiscation in the system of criminal legislation at present, as well as before the exclusion of the so-called general confiscation from the number of types of punishment, is a security measure of a criminal legal nature. In such a criminal-legal format, the special confiscation of criminally obtained property, its proceeds, instruments, means and objects of crime is essentially considered by all states as a necessary and effective means of combating crime. The institutionalization of «special confiscation» in the Criminal Code of the Republic of Belarus has faced an obvious lack of understanding of the need to develop legal standards for the application of this institution. The social and penal purpose of special confiscation is to eliminate the economic basis of modern crime, which is acquiring an increasingly organized, technologically selfish and corrupt nature, while preventing it from becoming a kind of instrument for the expropriation of property.

Keywords: general confiscation or punishment, special confiscation, objects of special confiscation, criminally obtained property, instruments and means of committing a crime, procedure for applying special confiscation.